
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ THEORY AND METHODOLOGY

---

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 11 (505). С. 11–21.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(11(505):11-21.*

Научная статья

УДК 332.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-505-11-11-21

ЭКОНОМИКА СОПРОТИВЛЕНИЯ: РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ

**Ирина Валентиновна Данилова¹, Наталья Викторовна Правдина²✉,
Александр Владимирович Резепин³**

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, danilovaiv@susu.ru, 0000-0002-0714-7764

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, pravdinanv@susu.ru, 0000-0001-8346-6612

³ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, rezepinav@susu.ru, 0000-0002-6971-746X

Аннотация. В статье рассматривается модель экономического развития большой страны в условиях масштабных внешнеэкономических санкций — экономики сопротивления. Проводится сопоставление условий и параметров функционирования национальных экономик Ирана и России с позиции объёма и направлений внешнеэкономических ограничений, характера и степени включённости стран в мирохозяйственные связи, особенностей реализации экономической политики и возможностей формирования национального технологического суверенитета. Исследование выполнено на основе отечественных и иностранных научных публикаций и источников за 2020–2024 гг. с использованием эволюционной методологии, методов сравнительного анализа и аналогий. По результатам анализа выделены сходства и различия иранской и отечественной ситуации. Ключевые различия связаны с условиями стран: сложная федеративная экономика с продвижением к постиндустриальному типу в России и раннеиндустриальный этап в Иране при унитарном государственном устройстве и жёсткости управленческих институтов. Различается масштаб и длительность санкционного давления, а также ключевые особенности функционирования экономики сопротивления. Специфика российских условий требует учёта пространственного разнообразия, отличий потенциалов регионов, уровня вовлечённости во внешнеэкономические связи. Результаты исследования формируют теоретическую платформу для актуализации стратегий регионального развития.

Ключевые слова: экономика сопротивления, регионы, технологический суверенитет, промышленный суверенитет

Благодарность. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-20044 и при финансовой поддержке Правительства Челябинской области, <https://rscf.ru/project/25-18-20044/>.

Для цитирования: Данилова И. В., Правдина Н. В., Резепин А. В. Экономика сопротивления: развитие современной теоретической платформы // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 11 (505). С. 11–21. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-505-11-11-21.

Original article

ECONOMICS OF RESISTANCE: THE DEVELOPMENT OF A MODERN THEORETICAL PLATFORM

Irina V. Danilova¹, Natalya V. Pravdina²✉, Alexander V. Rezepin³

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, danilovaiv@susu.ru, 0000-0002-0714-7764

² South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, pravdinanv@susu.ru, 0000-0001-8346-6612

³ South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, rezepinav@susu.ru, 0000-0002-6971-746X

Abstract. The article considers the model of economic development of a large country under large-scale foreign economic sanctions – the resistance economy. The conditions and parameters of functioning of the national economies of Iran and Russia are compared from the standpoint of the volume and directions of foreign economic restrictions, the nature and degree of inclusion of countries in world economic relations, the features of the implementation of economic policy and the possibilities of forming national technological sovereignty. The study is based on domestic and foreign scientific publications and sources for 2020–2024 using evolutionary methodology, comparative analysis methods and analogies. Based on the analysis, similarities and differences between the Iranian and domestic situations are highlighted. The key differences are related to the conditions of the countries: a complex federal economy moving towards a post-industrial type in Russia and the early industrial stage in Iran with a unitary state structure and rigidity of governance institutions. The scale and duration of sanctions pressure, as well as the key features of the functioning of the resistance economy, differ. The specificity of Russian conditions requires taking into account spatial diversity, differences in regional potential, and the level of involvement in foreign economic relations. The results of the study form a theoretical platform for updating regional development strategies.

Keywords: resistance economy, regions, technological sovereignty, industrial sovereignty

Acknowledgments. The research was funded by Russian Science Foundation and Chelyabinsk Region № 25-18-20044, <https://rscf.ru/project/25-18-20044/>.

For citation: Danilova IV, Pravdina NV, Rezepin AV. Economics of Resistance: the Development of a Modern Theoretical Platform. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(11(505):11-21. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-505-11-11-21.

Введение

Современная экономика характеризуется событиями, кардинально меняющими её системные компоненты, включая режим воспроизводства, международные экономические отношения, статус в технологической конкуренции, что связано с перманентными шоками, конъюнктурными и санкционными ситуациями, провоцирующими волатильность мировых рынков, постиндустриальные сдвиги и пр. Перечисленные изменения оказывают влияние на развитие экономической науки по следующим направлениям: 1) углубляется исследование природы и трансляции шоков и форс-мажорных ситуаций, их влияния на дестабилизацию экономики; 2) анализируются тенденции турбулентности и новые факторы развития глобальной экономики, сдвиги в диспозиции регионов и стран; 3) разрабатываются новые теории, описывающие эксклюзивные ситуации и прецеденты экономик особого типа, функционирующих в исключительно жёстких рестрикционных условиях, неопределённости перспектив развития, меняющих движущие силы, приоритеты и факторы роста.

В то же время выделяется и ключевое трендовое направление как теоретического, так и практического дискурса — переход к политике экономического суверенитета с акцентом на технологическое развитие, структурные сдвиги, перестройку открытости. Причины такого перехода различаются по масштабам, сферам генерации и формам проявления. В современных условиях и развитые страны (ЕС, США и др.), и развивающиеся (Иран, Северная Корея, Индия, РФ и др.)

оказались перед выбором механизмов и формата суверенизации. В связи с этим особый интерес вызывают страны, у которых такой переход оказался «вынужденным», связанным с санкциями и ответной реакцией, что вызвало формирование особой модели развития — экономики сопротивления как одной из версий экономического суверенитета. Россия оказалась в ситуации аналогичной рестрициям экономики сопротивления, поэтому обобщение характеристик, эволюции и специфики современного этапа функционирования такой экономики актуально с теоретических и прикладных позиций для понимания резервов, источников устойчивости, разработки среднесрочной и долгосрочной стратегии развития.

Теория и методы

Формирование теории экономики сопротивления связано с ранее появившейся теорией шоков, исследованием влияния форс-мажорных обстоятельств на социально-экономическое развитие и процессы адаптации национальной экономики к новым условиям, включая: 1) классификацию причин и типологию шоков, анализ краткосрочного механизма развития шока (фазовых характеристик, длительности, восстановления, амплитуды, мер краткосрочного регулирования) и долгосрочного адаптивного развития экономики в постшоковом периоде (вероятность структурных трансформаций, изменений в промышленной и внешней политике); 2) анализ воздействия шоков на глобальную экономику в части интенсивности и масштаба, изменения облика и правил взаимодействия, систематизация характеристик «новой реальности», например, в рамках концепции

BANI-мира, которая описывает современное состояние с позиции быстроты и нелинейности изменения событий, неопределённости последствия и низкой согласованности действий акторов.¹

Появление нового научного направления, получившего определение экономика сопротивления (*resistance economy*, резистивная экономика) акцентировало внимание на модели экономического развития страны в условиях экстремальных внешнеэкономических санкций. Первоначально эмпирической базой стала фактология развития событий в большой экономике Ирана. Периодическое попадание стран в похожие, но разные по жесткости и длительности ситуации (глобальные/локальные; кратко/средне/долгосрочные) способствовало дискуссии и стремлению обобщить принципиальные компоненты модели экономики сопротивления, что стало особенно актуально применительно к условиям развития экономики России в период после 2022 г.

Авторами при разработке собственной позиции использована эволюционная методология, сравнительный анализ и метод аналогий. Использование эволюционного методологического подхода предполагает: 1) рассмотрение национальной экономики как открытой системы, изменяющейся под воздействием условий внешней среды, в том числе внешнеэкономических ограничений; 2) адаптация национальной экономики обеспечивается за счёт вариативного приспособления отдельных акторов/элементов системы (например, различных секторов экономики, макроэкономических субъектов, регионов) к новым условиям, с последующим отбором и наследованием успешных практик; 3) кумулятивность и «историческая» обусловленность развития — изменения последовательно накапливаются, влияют на будущие возможности и ограничения развития; 4) параллелизм развития как независимое формирование сходных способов приспособления отдельных элементов системы к новым условиям [1].

Экономика сопротивления, как отмечается в публикациях [2], основана на следующих принципах: 1) поддержание динамичности экономики для обеспечения роста, занятости, повышения производительности труда, сокращения инфляции; 2) ориентир на способность противостоять любым потрясениям со стороны внешних и внутренних факторов; 3) опора на собственные

производственные возможности и ресурсы (научные, природные, финансовые, географические и пр.); 4) необходимость сокращения зависимости от сырьевого экспорта (нефтяных доходов); 5) использование научных достижений для генерации инноваций, технологического прогресса и развития промышленности; 6) понимание и принятие санкций как способа оздоровления экономики. Фактически, резистивная экономика — это экономика, обеспечивающая экономической рост под давлением санкций [3], базовые отличия такой экономики сфокусированы на экстенсивном и интенсивном использовании потенциала, признании безальтернативности курса на радикальные структурные изменения.

Для понимания модели экономики сопротивления целесообразным, на наш взгляд, является обобщение публикаций по кейсу экономики Ирана (как прецедента такой ситуации). Авторами использована следующая логическая цепочка анализа для концентрации теоретических отличий экономики: определение цели развития экономики сопротивления, общего содержания и особенностей, ключевой роли реального сектора и стратегии трансформации структуры, внимание к слагаемым механизма сопротивления: роли бюджетной поддержки, изменения направлений внешнеэкономических связей. Систематизация зарубежных и российских научных публикаций с целью формирования новых исследовательских ниш позволила сделать некоторые выводы.

1. Цель развития экономики сопротивления [3] определяется как противостояние внешним угрозам и создание превентивных механизмов развития, что в целом декларировано как «деактивирование санкционных сфер» и преобразование «давления» в возможности [4]. С учётом санкционных ограничений, задачи для достижения цели представлены как комплекс одновременных итераций: а) достижение минимальной зависимости [2] от внешнеэкономических связей, переключение на внутренний рынок и самообеспечение отраслевого производства, импортозамещение, рационализация экспортной ниши и адаптация к изменению структуры внешней торговли; б) снижение уязвимости экономики к валютным, инвестиционным, логистическим разрывам, диверсификация экономики и отраслевые структурные сдвиги для сокращения сырьевой специализации [5]; в) изменение режима воспроизводства реального сектора, ориентир на интенсивный тип развития, стимулирование технологического суверенитета, рост наукоемких секторов

¹ Время нелинейности. Что бизнесу важно знать о концепции мира BANI // Сбер Про. URL: <https://sber.pro/publication/vremya-nelinejnosti-chto-biznesu-vazhno-znat-o-konceptcii-mira-bani/> (дата обращения: 16.06.2025 г.).

промышленности и инновационной самодостаточности, накопление внутренних производственных компетенций; в) изменение иерархии источников роста в части «сжатия» классических, связанных с внешними или внутренними частным инвестициями, увеличение спроса со стороны бюджетных инвестиций государственного сектора (госзаказы, закупки, субсидии) и ограничение потребительского спроса населения.

2. Содержание и особенности экономики сопротивления. Экономика сопротивления [6] опирается на расширение диверсификации для достижения частичной самодостаточности в базовых секторах средней технологической сложности (при отсутствии притока иностранных инвестиций и технологий), что гипотетически должно обеспечить сохранение стабильности в условиях санкций, формирование и развитие производственных компетенций, создание условий для серьёзных инноваций путем стимулирования связей с научной диаспорой в других странах и открытости науки.

Особенностями экономики сопротивления является наличие следующих уязвимостей:

а) ресурсная зависимость доходов бюджета, что при воспроизводстве прежней сырьевой специализации и санкциях ограничивает потенциал развития, а длительный срок окупаемости проектов отвлекает ресурсы на значительный период;

б) проблемы импортозамещения, решение которых сдерживается устаревшими производственными технологиями, отсутствием базы для организации обратного проектирования и параллельного импорта; замкнутость и незначительный масштаб внутреннего рынка, изолированность от проверки конкурентоспособности внешним спросом, в совокупности исключает возможность бизнеса реализовать эффект масштаба, ведёт к нерентабельности многих обрабатывающих производств;

в) проблемы с замещением импорта инвестиционных высокотехнологичных товаров, вызывающие упрощение производственных процессов и снижение уровня технологичности продукции;

г) формирование новых торговых связей с альтернативными партнёрами, приводящее к текущим и будущим потерям доходов, связанными с расходами на поиск новых контрагентов и стандартизацией товарной номенклатуры.

3. Слагаемые механизма сопротивления. Внимание концентрируется на кардинально новой ситуации и её системном влиянии на механизм развития: условия сохранения цикла расширенного

воспроизводства, формат внешнеэкономических связей и открытости, режим использования собственных и бюджетных ресурсов, внутренних резервов экономики, обеспечение автономности отраслевых технологических и инновационных разработок и др. Рассмотрим перечисленные факторы более подробно.

А. Изменения в реальном секторе и процесс трансформации структуры. Ресурсная зависимость и сырьевая специализация в условиях тотальных внешних ограничений явились источником повышенной нестабильности промышленности, генератором цепочки рисков для производства, технологичности основных фондов в силу высокой импортной составляющей, катализатором разрыва цепочек создания добавленной стоимости. При этом актуально сохранение конкурентоспособности экономики на узких сегментах промышленной продукции, соответственно декларируется ориентир на сохранение экспортной ниши в наукоёмких и технологичных секторах в торговой позиции страны.

Б. Бюджетная поддержка экономики. В условиях внешнеэкономических ограничений основным источником экономического роста становятся государственные расходы [7], объём которых в значительной степени зависит от возможностей получения экспортной выручки. Кроме того, в условиях высокой неопределённости и инвестиционных ограничений, связанных с импортом оборудования и технологий, а также «вытеснением» частных инвестиций государством, ограничены возможности мультипликации государственных расходов, что приводит к накоплению диспропорций, смещению и нерыночному перераспределению инвестиционных ресурсов в пользу определённых сегментов (оборонный сектор, сырьевой и др.) за счёт других.

Помимо этого, санкционная ситуация приводит к резким ограничениям как доходов бюджета, так и населения. Самым опасным является риск реализации известной из экономической теории макроэкономической ловушки дестабилизации экономики и государственных финансов: высокая инфляция издержек требует наращивания бюджетных расходов для поддержки экономического роста, что приводит к раскручиванию ценовой спирали, к росту монетизации дефицита бюджета при отсутствии внешних заёмных источников. Иные формы снижения отрицательного бюджетного сальдо практически не доступны, например, секвестирование бюджетных расходов в силу необходимости субсидирования цен и трансфертов

населению провоцирует рецессию при высокой инфляции и др.

В публикациях подчёркивается низкая эффективность бюджетного регулирования, что объясняют совмещением необходимости оперативной нейтрализации негативных эффектов очередных санкций [5; 8] и долгосрочных «накопленных эффектов» в виде сложившихся структурных деформаций, затрагивающих, прежде всего производственную базу. Это в условиях неопределённости периода санкций, их циклического ослабления/усиления, общей макроэкономической нестабильности не позволяет реализовать бюджетирование, ориентированное на результат и цели развития.

В. Изменение комплекса внешних партнёров и географии торговли. В условиях санкций со стороны традиционно сложившихся партнёров, альтернативные партнёры в силу узости собственного производственного потенциала могут лишь частично компенсировать разрывы торговых связей. В результате политика достижения минимальной зависимости национальной экономики от иностранных государств для обеспечения основных потребностей и отраслевой независимости от внешних поставок требует выбора приоритетов в использовании мощностей, ресурсов, логистики, контрагентов с более высокими издержками и меньшей выгодой и автоматически закрепляет сырьевую направленность экспорта.

Таким образом, последствия вынужденного перехода к модели экономики сопротивления не исключают комплекса негативных проявлений: дефицита бюджета, инфляции, теневого бизнеса, высокой волатильности промышленности, рецессий и восстановления, что при ограниченности национальных инвестиций и отсутствии притока иностранных технологий приводит к торможению экономики. Стагнационный тренд сопровождался колебаниями нефтяных цен и мирового спроса на нефть.

В то же время доктрина экономики сопротивления (*resistance economy*) и её реализация приводят к целому ряду позитивных направлений в экономике: адаптация, снижение зависимости бюджета от экспорта сырой нефти, замещение значимого инвестиционного импорта и развитие инноваций, по сути, переход к технологическому суверенитету. Нередко отмечают своеобразное «второе дыхание», поскольку сопротивляющаяся экономика [4] основана на распознавании «узких мест» и проблемных зон, создании механизмов их «деактивирования» на основе оперативного использования ситуационных преимуществ.

Экономика сопротивления получает «окно новых возможностей», которые можно считать относительно благоприятными:

- внешнеэкономические санкции сокращают торговые связи и уровень открытости национальной экономики, что снижает её зависимость от конъюнктуры мировых рынков;

- санкции активизируют поиск внутренних резервов и точек роста национальной экономики, и в условиях сокращения объема инвестиционных ресурсов приводят к пересмотру и оптимизации направлений расходования средств;

- активизируется курс на диверсификацию экономики, прежде всего достижение самодостаточности в базовых секторах (средне-низкой технологичности) в интересах стабилизации промышленности в целом в санкционном режиме [6];

- происходит стимуляция, как ни парадоксально, развития технологических и инновационных компетенций, открытости науки и связей с научной диаспорой в других странах.

Аналитический обзор источников и экономических публикаций формирует представление о резистивной экономике конца XX — начала XXI вв., исходя из уровня развития национальной экономики, природно-географических факторов, дуальности отраслевой структуры экономики (сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых) начального этапа индустриального развития. Для анализа современных ситуаций нужны новые вводные, учитывающие специфику современного этапа и системы факторов нового порядка.

Результаты

Анализ основных параметров экономики сопротивления позволил выделить характеристики, схожие с ситуацией в российской экономике: курс на повышение самодостаточности, в т. ч. промышленности, усиление суверенитета в части поддержки технологий и инноваций, акцент на обрабатывающих отраслях и импортозамещении, снижение роли добывающих отраслей, режим полной загрузки производственных мощностей и высокой занятости, бюджетное стимулирование экономики, перестройка внешних связей и ограничение открытости экономики.

Изменившиеся условия развития некоторые российские экономисты также связывают с концепцией мобилизационной экономики [9] и выделяют специфические условия: 1) чрезвычайные обстоятельства; 2) концентрация стимулов развития на государственных ресурсах для снижения внешних рисков и угроз.

Подобие условий стран и жесткость санкций можно визуализировать, используя глобальную базу данных (Global Trade Alert) о запретах и ограничениях в торговле в разрезе инструментов и торгуемых позиций. При всём различии размеров экономик, уровня индустриального развития, разнообразия структуры экспорта и длительности санкций, очевидным является больший масштаб внешнеэкономических огра-

ничений, введённых против российской экономики — общее количество санкцийкратно превышает аналогичный показатель по Ирану (рис. 1). Кроме того, в отличие от иранской экономики, значительное количество ограничений связано с производством, экспортом и импортом несырьевых товаров среднего и верхнего передела, таких как электрооборудование, машины и механические приборы (рис. 2).

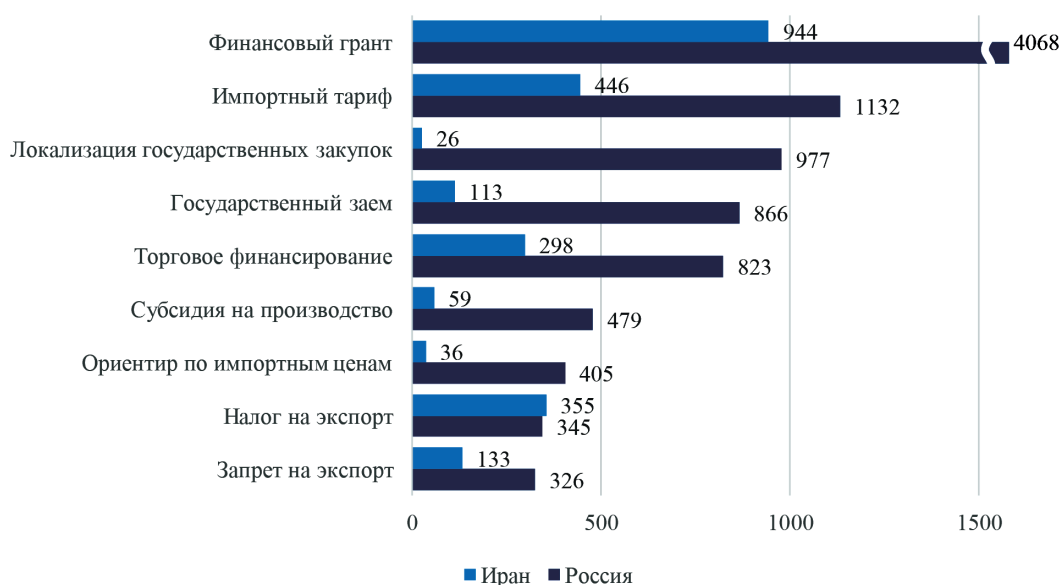

Рис. 1. Виды и количества внешнеэкономических ограничений (фрагмент)

Fig.1. Types and quantities of foreign economic restrictions (fragment)

Источник: составлено авторами по данным Global Trade Alert¹.

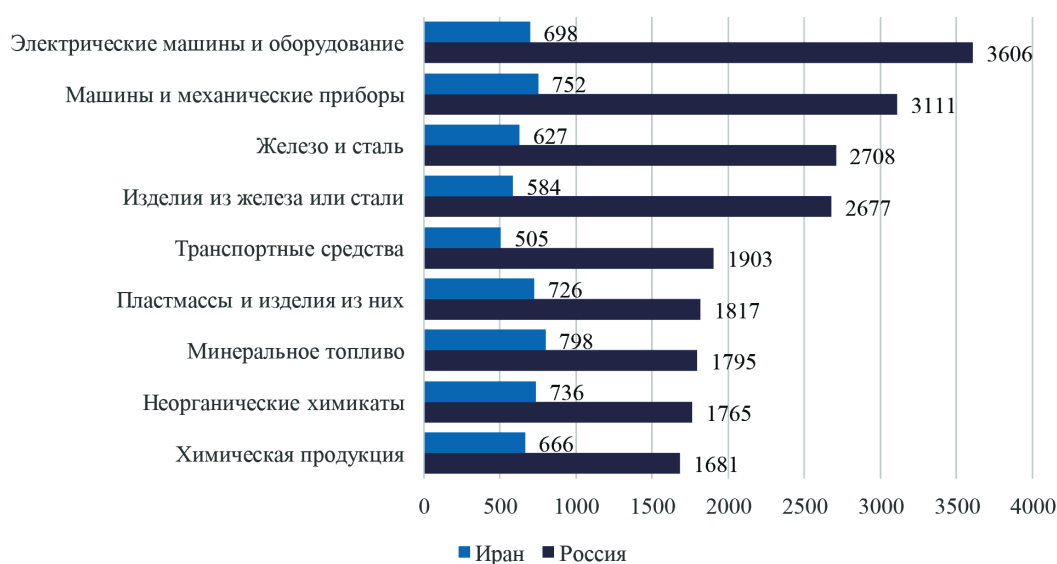

Рис. 2. Количество внешнеэкономических ограничений по товарным группам (фрагмент)

Fig. 2. Number of foreign economic restrictions by product group

Источник: составлено авторами по данным Global Trade Alert².

¹ Global Trade Alert. URL: <https://globaltradealert.org/activity-tracker> (дата обращения: 16.06.2025 г.).

² Global Trade Alert. URL: <https://globaltradealert.org/activity-tracker> (дата обращения: 16.06.2025 г.).

Российские исследователи полагают, что отечественная экономика в санкционном режиме функционирует в среде, подобной экономике сопротивления Ирана, для чего приводятся следующие аргументы:

а) восстановительный подъём опирается на расширение госинвестиций и госзаказов для отраслей, связанных с ВПК [10] с классическими последствиями роста государственных расходов (в соответствии с теорией неоклассического синтеза) в виде либо ловушки инфляции (при закрытом доступе к мировому рынку капиталов применяется проинфляционное финансирование дефицита) либо stagflationной рецессии (снижение дефицита через секвестирование бюджетных расходов, в том числе выплат населению);

б) наблюдается разбалансированность роста, связанная с перераспределением инвестиций и ресурсов между секторами (в том числе, ОПК и гражданским сектором), что формирует разнонаправленную восстановительную динамику в разрезе отраслей и регионов, усугубляет санкционные деформации [10].

Следует отметить, что российские учёные предлагают методы оценки сопротивления экономической среды [11], границ сопротивления экономики, связанных с внешними и внутренними факторами [12]. В то же время предлагаемые меры по реформатированию экономики и промышленности пока опираются на традиционные способы изменений: модернизация [13] и реставрация производства [14], реконструкция и технологическое перевооружение; изменение пропорций между секторами, финансовыми, материальными и трудовыми ресурсами [15] при активном участии государственных структур.¹

Действительно, в условиях санкций и СВО в России сложилась специфическая модель роста, когда восстановительный подъём опирается на бурное расширение госинвестиций и госзаказов для цепочек реального сектора, связанных с ОПК.² В ряде стран открытой рыночной экономики оборонный сектор развивается сопряжённо с гражданским сектором и часто в условиях широких экспортных заказов (как было в США в эпоху президента Рузвельта), в России концен-

трация ресурсов в сфере ОПК пока слабо стимулирует гражданский сектор, что формирует разнонаправленную восстановительную динамику в разрезе отраслей и регионов. Тем самым в экономике возникают дополнительные дисбалансы, усугубляющие санкционные деформации [16].

В то же время для России базовые условия экономики сопротивления имеют другую, по сравнению с иранской экономикой, специфику (имевшую на момент введения масштабных санкций ранний этап индустриального развития, многоукладность, жёсткую матрицу неформальных институтов, унитарный тип государственного устройства). Представляется наличие альтернативных условий, формирующих в России иной тип «экономики сопротивления»: большая федеративная экономика [17], активное постиндустриальное продвижение, развитые формальные институты, наличие сложной территориальной структуры.

Сходства и различия функционирования экономики сопротивления России и Ирана интегрированы на схеме (рис. 3).

Системные ограничения в обстоятельствах дифференциации уровней развития регионов, неэквивалентность сравнительных преимуществ, разного влияния санкций на территории в силу отличий структуры ВРП и реального сектора предполагают, что исследование системной адаптации и механизма «сопротивления» национальной экономики имеют пространственный аспект [18], связанный с анализом «отклика» региональных подсистем, реакции и адаптации к изменению уровня открытости, межотраслевых и межтерриториальных связей, разной резилиентности промышленности, потенциала к участию в технологической, инновационной и цифровой суверенизации в интересах устойчивости страны в целом.

Таким образом, обобщая сказанное можно выделить перспективные подходы к определению экономики сопротивления — это: 1) теоретическая модель, которая рационализирует использование внутренних и внешних ресурсов и подключение резервов в ускоренном режиме, повышающих эффективность производства, переход к режиму экономического и промышленного суверенитета [19], капитализирует преимущества и позволяет совершенствовать механизм регулирования; 2) экономико-управленческая модель [4], позволяющая на практике организовать систему действий по преодолению последствий санкций, развитие которой ориентировано на прогресс, продуктивно, экстравертно, эндогенно и открывает новые возможности.

¹ Лаптев Е. А., Хабибуллин Р. К. Проблемы оборонной индустрии в деятельности администрации президента Б. Клинтона. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2017.12.38> (дата обращения: 16.06.2025 г.).

² Банк России. О чем говорят тренды // Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. 2023. № 5. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/57021/bulletin_25-05.pdf (дата обращения: 16.06.2025 г.).

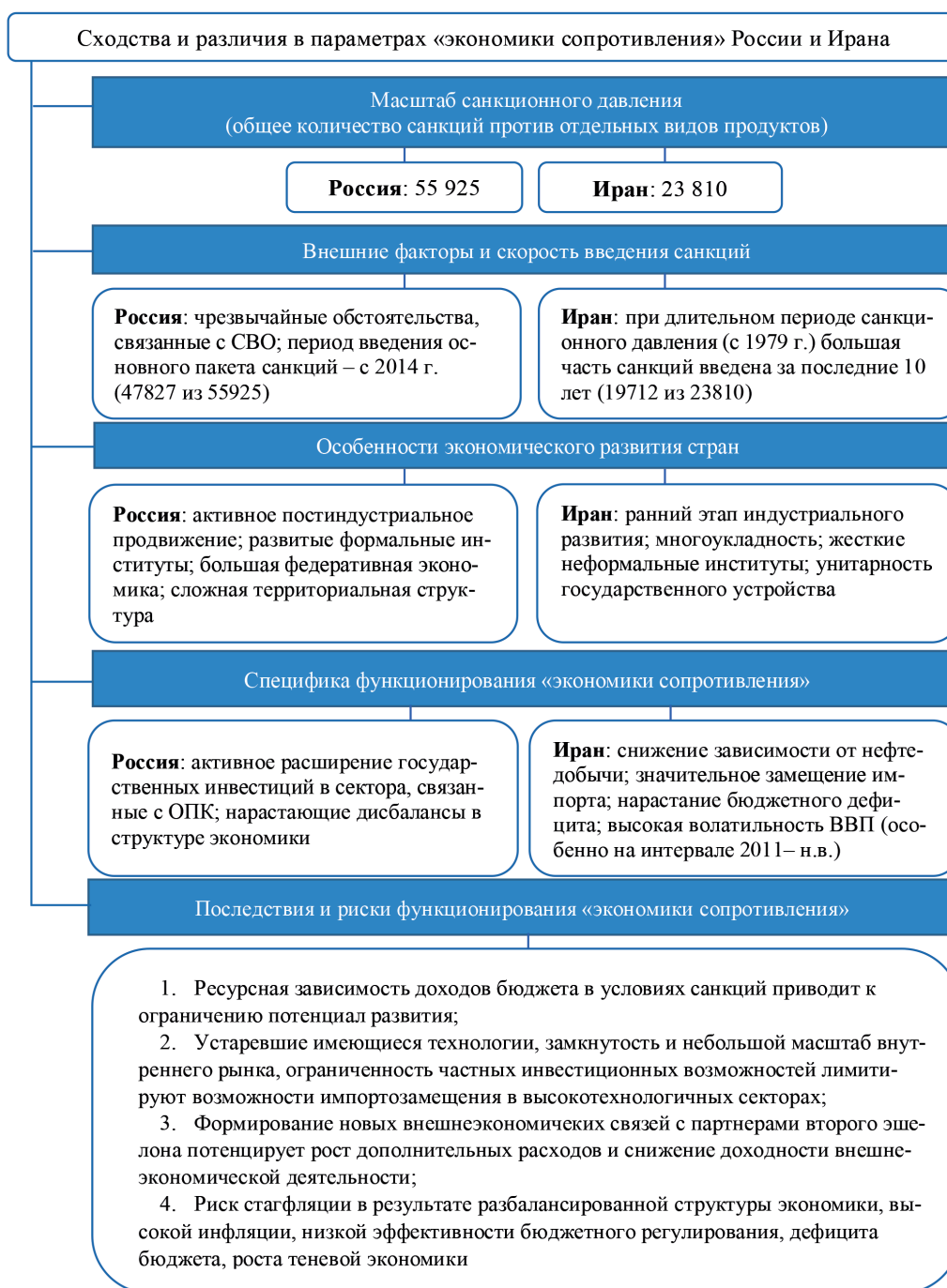

Рис. 3. Сходства и различия в параметрах экономики сопротивления России и Ирана
Fig.2. Similarities and differences in the economic resistance parameters of Russia's and Iran's

Источник: составлено авторами.

Первое определение предполагает тип резистивной экономики [20; 21], основной целью которой является устранение недостатков, заполнение пробелов и модернизацию устаревших и неэффективных экономических структур и институтов. Второй подход указывает на то, что резистивная экономика – это не кратковременная защитная реакция, а долгосрочная перспектива развития.

С позиции последствий для России исследователи отмечают, что существуют совпадения

с иранском кейсом [6], особенно со стороны рисков как двух ресурсозависимых стран в части: 1) ограничений диверсификации и расширения сектора обрабатывающих производств, т. е. воспроизводство ресурсной модели развития; 2) переориентация географии торговли приводит к переключению на партнёров второго эшелона конкурентоспособности, сопровождается удорожанием затрат, усложнением логистики; 3) высокая вероятность стагфляционного тренда.

Заключение

Результаты исследования позволили выделить схожие характеристики моделей и стратегических приоритетов развития экономик Ирана и России в условиях экстремальных внешнеэкономических ограничений, в обоих случаях курс национальной экономической политики направлен на: повышение самодостаточности промышленности, усиление экономического суверенитета в части поддержки производства высокотехнологичной и инновационной продукции, снижение роли добывающих отраслей, бюджетное стимулирование экономики, перестройку внешних связей и ограничение открытости экономики. Общее стремление стран к достижению экономического суверенитета, сталкивается с различиями объективных условий жесткости внешнеэкономических ограничений, уровня включенности стран в мирохозяйственные связи, спецификой институционального обеспечения и системы государственного управления. Для России помимо сложностей среды развития дополнительным обстоятельством, привносящим уникальность ситу-

ации, является пространственное разнообразие, отличие потенциалов регионов, резервов и ресурсов, каждый из субъектов испытывает санкционную нагрузку по-разному в силу разной специализации в производстве и экспорте, уровня вовлеченности во внешнеэкономические связи. В представленных обстоятельствах исследование может быть расширено за счёт анализа траекторий адаптации регионов к новым условиям, исследования успешных практик встраивания регионов в промышленное пространство и определения уникальных ниш производственных компетенций регионов в целях формирования национального экономического суверенитета. Практические меры в условиях внешнеэкономических ограничений предполагают необходимость разработки теоретической платформы и инструментария стратегирования регионального экономического развития в условиях экономики сопротивления, которые могут быть использованы при разработке документов стратегического планирования, формировании промышленной и региональной экономической политики.

Список источников

1. Данилова И. В. Резепин А. В. Развитие пространственных экономических систем: эволюционный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2022. Т. 16, № 1. С. 18–28. DOI: 10.14529/em220102.
2. Лазовский С. О. Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 81–93. DOI: 10.20542/afij-2020-1-81-93.
3. Arabi H. Resistive economics in Remarks by Supreme Leader // Macro Policy Quarterly. 2013. Vol. II, no. II. P. 9–25. (In Persian).
4. Khanzadi A., Heidari S. Analysing the Impact of Economic Strengthening on Economic Liberalization (A Resistive Economics Approach) // The Open Access Journal of Resistive Economics (OAJRE). 2018. Vol. 6, no. 3. P. 20–32.
5. Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67. DOI: 10.52180/2073-6487202265267.13.
6. Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 26–42.
7. Elveren A. Y. The political economy of militarism. The Oxford handbook of economic imperialism / Edited by: Z. Cope, I. Ness. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 389–408. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197527085.013.19.
8. Kozhanov N. A. Iran's economy under sanctions: Two levels of impact // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20, no. 4. P. 120–140. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140.
9. Ермаков Г. П., Ганиева Й. Н., Петряков С. Н., Петряков Д. С. Мобилизационная экономика: теоретико-практический аспект // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 5. С. 1253–1270. DOI: 10.18334/epp.13.5.117498
10. Сальников В. А., Галимов Д. И., Гнидченко А. А. Тезис 3. О промежуточных итогах развития промышленности с начала 2022 г.: производство и инвестиции. Тринадцать тезисов об экономике. М. : ЦМАКП. 2023.
11. Кузнецов С. Б. Определение сопротивления экономической среды // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 4. С. 71–83.

12. Кузнецов С. Б., Зердзински С. Оценка границы возникновения неустойчивости экономики // Развитие территорий. 2022. № 4. С. 17–23. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-4-17-23.
13. Дукарт С. А. Модернизация российской экономики: анализ «инновационного сопротивления» // Вестник науки Сибири. Серия экономика и менеджмент. 2012. № 3 (4). С. 173–177.
14. Голик В. И., Хашева З. М., Шульгатый Л. П. Экономический механизм конверсии горнодобывающей отрасли депрессивных регионов юга России // Научный вестник ЮИМ. 2016. № 3. С. 27–32.
15. Шамхалов Ф. И., Канкулов М. Х., Богатырёва Э. М. Вопросы диверсификации деятельности предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности // Научный вестник ОПК России. 2019. № 4. С. 65–77.
16. Смородинская Н. В., Катуклов Д. Д. Российский санкционный кризис: концептуальные аспекты // ЭКО. 2023. Т. 53, № 12. С. 8–29. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-12-8-29
17. Данилова И. В., Коротина Н. Ю. «Умное проектирование» институционального регулирования в большой федеративной экономике // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33, № 2. С. 236–247.
18. Государственное и муниципальное управление: приоритеты и механизмы пространственного развития России / М. Ю. Андронов, В. С. Антонюк, Н. О. Герасимова [и др.]. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2024. 322 с.
19. Tary F., Kaviani Z. Resistive Economic and its components // Macro Policy Quarterly. 2013. Vol. II, no. II. P. 27–47. (In Persian).
20. Asadi A., Maleki Shahrivar M., Meisam Esmaili S. Passing Through Sanctions By Resistive Economy // The Open Access Journal of Resistive Economics (OAJRE). 2018. Vol. 6, no. 3. P. 33–49.
21. Khataei D. From Resistance Economy to Iranian Neighbourhood Policy: Iran's New Economic Paradigm // Oriental Courier. 2024. No. 1. P. 142–147. DOI 10.18254/S268684310030136-7.

References

1. Danilova IV, Rezepin AV. Development of spatial economic systems: evolutionary approach. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment=Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*. 2022;16(1):18-28. DOI 10.14529/em220102. (In Russ.).
2. Lazovsky SO. The economic situation in Iran under US sanctions. Analysis and forecast. *Zhurnal IMEMO RAN=IMEMO RAS Journal*. 2020;(1):81-93. DOI: 10.20542/afij-2020-1-81-93. (In Russ.).
3. Arabi H. Resistive economics in Remarks by Supreme Leader. *Macro Policy Quarterly*. 2013;II(II):9-25. (In Persian).
4. Khanzadi A, Heidari S. Analysing the Impact of Economic Strengthening on Economic Liberalization (A Resistive Economics Approach). *The Open Access Journal of Resistive Economics (OAJRE)*. 2018;6(3):20-32.
5. Smorodinskaya NV, Katukov DD. Russia under sanctions: the limits of adaptation. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2022;(6):52-67. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67. 13. (In Russ.).
6. Smorodinskaya NV, Katukov DD. Iran's Experience of Being Under Sanctions: Macroeconomic Results and Implications for Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(6):26-42. (In Russ.).
7. Elveren AY. The political economy of militarism. *The Oxford handbook of economic imperialism* / Edited by: Z. Cope, I. Ness. Oxford: Oxford University Press, 2022:389-408. DOI: 10.1093/oxford-hb/9780197527085.013.19.
8. Kozhanov NA. Iran's economy under sanctions: Two levels of impact. *Russia in Global Affairs*. 2022;20(4):120-140. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140.
9. Ermakov GP, Ganieva YN, Petryakov SN, Petryakov DS. Mobilization Economics: A Theoretical and Practical Aspect. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo=Economics, entrepreneurship and law*. 2023;13(5):1253-1270. DOI: 10.18334/epp.13.5.117498. (In Russ.).
10. Salnokov VA, Galimov DI, Gnidchenko AA. Tezis 3. O promezhutochnykh ito-gakh razvitiya promyshlennosti s nachala 2022 g.: proizvodstvo i investitsii. Trinadtsat' tezisov ob ekonomike=Thesis 3. On the interim results of industrial development since the beginning of 2022: production and investments. Thirteen theses on the economy. Moscow, СМАСР; 2023. (In Russ.).

11. Kusnezov SB. Determining the resistance of the economic environment. *Mir ekonomiki i upravleniya = The world of economics and Management*. 2017;17(4):71-83. (In Russ.).
12. Kuznetsov SB, Zerdzinski S. Assessment of the boundary of the emergence of economic instability. *Territorialnoe razvitie = Territory Development*. 2022;(4):17-23. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-4-17-23. (In Russ.).
13. Dukart SA. Modernization of the Russian Economy: Analysis of “Innovative Resistance”. *Vestnik nauki Sibiri. Seriya ekonomika i menedzhment = Bulletin of Siberian Science. Series: Economics and Management*. 2012;3(4):173-177. (In Russ.).
14. Golik VI, Hasheva ZM, Shulgaty LP. Economic Mechanism for the Conversion of the Mining Industry in Depressed Regions of Southern Russia. *Nauchnyj vestnik YuIM = Scientific bulletin of the UIM*. 2016;(3):27-32. (In Russ.).
15. Shahmalov FI, Kankulov FI, Bogatyreva AM. Issues of diversification of enterprises in high-tech industries. *Nauchnyj vestnik OPK Rossii = Scientific Bulletin of the Russian Defense Industry*. 2019;(4):65-77. (In Russ.).
16. Smorodinskaya NV, Katukov DD. The Russian Sanctions Crisis: Conceptual Aspects. *EKO = ECO*. 2023;53(12):8-29. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-8-29. (In Russ.).
17. Danilova IV, Korotina NU. “Smart Design” of Institutional Regulation in a Large Federal Economy. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*. 2023;33(2):236-247. (In Russ.).
18. Andronov MYu, Antonyuk VS, Gerasimova NO. Gosudarstvennoye i munitsipal’noye upravleniye: priority i mekhanizmy pro-stranstvennogo razvitiya Rossii=State and Municipal Administration: Priorities and Mechanisms of Russia’s Spatial Development. Chelyabinsk, South Ural State University (National Research University); 2024. 322 p. (In Russ.).
19. Tary F, Kaviani Z. Resistive Economic and its components. *Macro Policy Quarterly*. 2013;II(II);27-47. (In Persian).
20. Asadi A, Maleki Shahrivar M, Meisam Esmaili S. Passing Through Sanctions By Resistive Economy. *The Open Access Journal of Resistive Economics (OAJRE)*. 2018;6(3):33-49.
21. Khataei D. From Resistance Economy to Iranian Neighbourhood Policy: Iran’s New Economic Paradigm. *Oriental Courier*. 2024;(1):142-147. DOI: 10.18254/S268684310030136-7.

Информация об авторах

И. В. Данилова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Н. В. Правдина — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики промышленности и управления проектами.

А. В. Резепин — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Information about the authors

I. V. Danilova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economic Theory, Regional Economics, State and Municipal Government.

N. V. Pravdina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Industrial Economics and Project Management.

A. V. Rezepin — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory, Regional Economics, State and Municipal Government.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 15.09.2025.

The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 15.09.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.